

Г.А. Короткий

Перекличка идей Владимира Соловьева и Николая Бердяева о христианстве: философский диалог

В статье рассматривается восприятие Н. Бердяевым религиозных идей Владимира Соловьева. Показывается, как Бердяев подхватывает и по-своему развивает ключевые темы предшественника.

Ключевые слова: христианство; богочеловечество; теократия; эсхатология.

Николай Бердяев характеризует Владимира Соловьева как фигуру двусмысленную и загадочную. Дух мятежный — ночной и дух светлый — дневной. Мистик и рационалист. Поэт и аналитик. Человек церкви и свободный мыслитель...

На него ссылаются, но трудно определить: какому направлению общественной мысли России XIX века он принадлежал? Он — и ни консерватор, и ни либерал. Не народник-социалист и не марксист. Он не вписывается в идеологии. Он — сам по себе. Соловьев занимает какое-то особое место в интеллектуальной истории России.

Факты биографии философа подтверждают сказанное. В них Соловьев предстает натурой неординарной, мятежной и ищущей.

В 13 лет он признается Н.И. Карееву, что не верит в святые мощи. В 14 лет перестает ходить в церковь. И, кажется, навсегда расстается с детской верой. Даже выбрасывает в порыве в окошко иконы — отец в состоянии шока. А с друзьями постоянно обсуждает вопросы: «Есть Бог или нет? Существует Он реально или это человеческая выдумка?».

Уже в детстве что-то выдает в нем настоящего философа. Только истинные мыслители ставят «последние вопросы» и пытаются на них ответить. Делают судьбоносные выводы из прочитанных книг. Уже в подростковом возрасте у Владимира начался период внутренних борений, который растянулся на всю жизнь.

Окончив гимназию с золотой медалью в 1869 году, он поступает в Московский университет, но в письмах жалуется, что университетской атмосферой недоволен. Она «убивает своей пустотой». Сразу переводится с историко-филологического факультета (куда поступил по настоянию отца) на физико-математический, но и естественные науки не вызывают у него энтузиазма... Он проваливается на экзаменах и возвращается на историко-филологический факультет уже вольнослушателем. Сдает экстерном экзамены за пропущенные курсы.

Лекции все равно пропускает, с другими студентами не общается. Продолжает нападать на христианство. Теперь с позиций вошедшего в моду дарвинизма. А осенью 1873 года юноша отправляется в Сергиев Посад и поступает вольнослушателем уже в Духовную академию. Она в это время находилась в некотором упадке. И поступление в нее выпускника университета, да еще сына знаменитого историка, производит локальную сенсацию. После ее окончания он защищает диссертацию магистра философии. И благодаря своему учителю С. Юркевичу становится доцентом кафедры философии Московского университета.

В 1881 году после убийства народовольцами Александра II в публичной лекции В. Соловьев призвал наследника помиловать убийц отца. По мысли философа, этот шаг мог открыть новую эру милосердия и сделать Россию наихристианнейшей страной в мире. Перевести ее жизнь в другое качество. Царь был взбешен. Соловьеву пришлось подать в отставку. И впоследствии он сильно бедствовал.

Биографы пишут, что возвращение Соловьева в религию произошло через философию (Спиноза, Шопенгауэр, Гартман) посредством глубокого изучения философских трудов, которые Соловьев читал еще отроком. Но следует согласиться скорее с теми, кто утверждает [7], что произошло наоборот. Не по философскому мосту Соловьев перешел к религии, а «упав» с него. Философию он оценивает крайне низко. Это понимание выражается в магистерской диссертации «Кризис западной философии (Против позитивистов)» 1874 г.: «...Философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие и перешла в мир прошедшего» [10: с. 5].

Удивительное дело, знаменитый философ разочаровался в философии! Впрочем, возможно, каждый философ на каком-то этапе через это проходит.

К христианству предположительно мыслитель приходит в ходе написания кандидатской диссертации. Христианство неожиданно открывается ему как светлая истина, и он даже не понимает, как не распознал ее раньше.

Сам философ романтически пишет, что обращение произошло за одну ночь. После приступа страсти, пережитого в поезде. Страсть открыла ему прежде скрытую истину о мире. Истину, спрятанную от рационального разума, заблудившегося в конструкциях своих логических построений, всяческих *pro u contra*.

Другую причину прежних заблуждений Соловьев видит в том, что христианская правда сильно затемнена обыденной российской жизнью. Повседневной рутинной и бытом. Чтобы неверующие обратились в христианство, само его нужно заново им открыть.

«Истинная жизнь в нас есть, но она подавлена, искажена нашей ограниченной личностью, нашим эгоизмом... И эта истинная жизнь уже открыта христианством, но само христианство искажено нашей ложной жизнью» [7].

Христианство противостоит запечатленному поэтом злу. Но зло могущественно и наложило каинову печать на само христианство. Теперь Соловьеву предстоит эту печать сорвать. В противном случае оно восприниматься не будет. Христианство и зло будут уживаться дальше. Как параллельные явления реальности.

Вывод: чтобы восстановить истинное христианство, нужно смело его переосмыслить. Сделать в том числе шагающим в ногу со временем. Даже нестрашно то, что в некоторых пунктах это переосмысление разойдется с церковным учением.

Как объясняет эту мысль Н. Бердяев (горячо поддерживающий Соловьева): главное — не погрешить против Духа Святого, который веет, где хочет, и которого трудно закупорить в узкую догму.

Ошибочность ортодоксального христианства в том, что оно становится слишком «не от мира сего» (Бердяев). Теряет первоначальную тотальность (которую требует его истинность) и становится просто религиозным мировоззрением среди многих прочих. Ты можешь быть христианином, язычником, атеистом. Все на твое усмотрение. Христианство уходит из мира под купола церквей.

«Много ли христиане сделали для осуществления христианской правды в социальной жизни, пытались ли они осуществить братство людей без той ненависти и насилия, в которых обличают коммунистов?.. Началась эпоха, когда христианство было приспособлено к царству кесаря своего времени. Было сделано открытие, что христианство не есть только истина, от которой может сгореть мир, но что оно может быть социально полезно для устройства царства кесаря» [1: с. 201].

Амбивалентность же позиции Соловьева — что при этом он боится от догматов отступить. И поэтому часто пребывает в некотором внутреннем раздоре. Он пытается мыслить свободно. Логически и диалектически. Эксплицирует свои мистические интуиции. Но чуть что — прибегает к ссылкам на церковное учение.

Тем не менее философ провозглашает: «Предстоит задача: ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему, т. е. разумную, безусловно, форму» (цит. по: [6: с. 106]). Грандиозный по смелости проект.

Впрочем, это полдела. Даже в новой («безусловной») форме христианство может не быть принято. Еще не факт, что человечество захочет его принять вообще. Причиной этого Соловьев дает мистическое толкование.

«Тенденция хаотическая... — формулирует Соловьев свое предположение, — побуждающая каждое отдельное существо утверждать себя в своей исключительности, как будто оно есть все, осуждается как ложная и неправая в системе вечных идей, отводящей каждому определенное место в безусловной всеобщности и проявляющей таким образом, наравне с истиной Бога, Его суд и Его правду...»

Но Бог любит хаос и в его небытии, и Он хочет, чтобы сей последний существовал, ибо Он сумеет вернуть единству мятежное существование, Он сумеет наполнить бесконечную пустоту изобилием Своей жизни. Поэтому Бог дает свободу хаосу» [11].

То есть мистически полагается (в силу какого-то озарения, наверное), что хаос и своеволие человеческой природы отнюдь не ненавистны Богу. И даже

в каком-то высшем смысле любви Ему. Бог не хочет подавления хаоса и слепого подчинения.

Бог, каким-то непонятным образом, попустительствует мятежникам против Себя. Они тоже — Его дети... *Бог не хочет превращаться во всесильного господина*. Более того, Бог даже наполняет хаос «изобилием Божественной жизни». Освящает его. Санкционирует. Не хочет превращения живой стихии в мертвую с жестким, механическим порядком поведенческих автоматизмов.

Причем такая позиция Бога проявляется уже в первом акте творения. В котором «он удерживает противодействие ему (хаосу) Своего всемогущества в первом акте Божественного бытия, в стихии Отца, и тем выводит мир из его небытия» [11].

Еще одним веским мотивом, побуждающим Бога терпеть хаос, является то, — тонко сформулированная Соловьевым идея, — что из понимания Бога как Абсолютного начала логически следует, что в мире нет ничего небожественного. И даже человеческие и природные стихии — божественны. Их божественность не должна дискредитироваться. Ею не следует пренебрегать, как это делает ортодоксальное богословие.

Божественность человека и природы — веселая. Ее беззаботная радость, а не угрюмая, благоговейная подчиненность, — безусловно, по сердцу Всевышнему.

«Чтобы самой достигнуть до Божественной всеобщности, чтобы войти в свободное и взаимное отношение с Богом... природа должна быть отделенной от Бога и в то же время соединенной с Ним. Отделенной в своем реальном основании, которое есть земля, и соединенной в своей идеальной вершине, которая есть человек. В особенности в видении земли и человека вечная Премудрость и являла свое веселие перед Богом грядущего: “месахэкэт бетевел ‘арцо, веша’ашу-‘ай ’ет-бенэ ‘адам’...”

Если мы не хотим отречься от самой идеи Божества, мы не можем допустить вне Бога бытия в себе, существования реального и положительного. *Внебожественное не может быть поэтому ничем другим, как измененным или обращенным Божественным*» [11] (курсив автора. — Г.К.).

Без сомнения, соловьевские богословские построения отличаются редкой для христианина смелостью.

Церковные мыслители дают этому прозаическое объяснение — в предложении переосмыслить христианство скрывается все тот же старый соловьевский нигилизм, которым философ «заболел» еще в юности. Поэтому к соловьевским проектам и религиозному учению надо относиться с осторожностью.

Вл. Соловьев — своеобразный «чужой среди своих, свой среди чужих».

По воспоминаниям, когда один раз Вл. Соловьев разговорился со студентом-народовольцем, они, на удивление, нашли общий язык. Народоволец изложил план разрушения православной монархии и основания на ее месте свободных коммун-фаланстеров. Соловьев ответил, что ломать надо более радикально. Рушить весь старый мир [7].

Еще в своей диссертации будущий приват-доцент писал: «...Высшее благо, последняя цель жизни не содержится в пределах данной действительности, в мире конечной реальности, а, напротив, достигается только через уничтожение этого мира... Эта последняя цель достижима не для отдельного лица в его отдельности, а только для всего мира существ (замечание очень важно)... Это есть уничтожение не мира явлений вообще, а только явлений вещественных, механических, того чудовищного призрака мертвой внешней реальности вещественной отдельности... Последний конец всего есть, таким образом, не Нирвана, а напротив... — царство духов как полное проявление всеединого» [10: с. 174–176].

Н. Бердяев убежден, что главный тезис Соловьева — именно в этом. В объявлении возможности богочеловеческого преобразования мира, в установлении Царства Божьего на Земле.

Те интерпретаторы соловьевской философии, которые это упускают, не приобщаются к его философии. Все в ней подчиняется этой главной мысли. Прочее, причудливое и диковинное, — побочно.

«Человеческий мир и *Natura* отпали от Бога. Это не так плохо, как кажется. Человек стал существом, которое может принять Бога не как дрожащая тварь, а как свободная личность», — возражал Соловьеву Бердяев [3].

Исправление мира произойдет через принятие людьми христианского учения. Онтологически это и будет означать свободное возвращение павшей природы к Богу, воссоединение с Ним.

«...Сын земли (Человек), по низшей, от нее данной ему жизни, он должен вернуть земле эту жизнь, преображенной в свете и духе животворящем. Если в нем, через его разум, земля возвысилась до небес, то им же, через его действие, небеса низойдут и исполнят землю; *через него весь внебожественный мир должен стать одним живым телом — полным воплощением Божественной Премудрости*» [11].

После соединения с Богом человечество преобразится в Богочеловечество. Есть признаки, что Соловьев понимает это буквально. Иисус Христос — Богочеловек, а человечество, по аналогии, — Богочеловечество.

Как объясняет Бердяев, «Богочеловечество возможно потому, что человеческая природа консубстанциональна человеческой природе Христа» [4: с. 201].

Неверное современное понимание христианства в том, что сейчас его понимают как вероисповедание. В то время как суть христианства — не в этом.

Человек — мост между землей и Небом. Христианство — задание людям.

Христианство, в этом смысле, особая религия. Оно не служит богам, как другие, а соединяет божественное и человеческое. Это отличает его, например, от ислама, который Соловьева тоже интересуется [11].

Ислам вырастает из христианских ересей (прежде всего несторианства).

Бог мусульман онтологически бесконечно несоразмерен миру. Мусульмане не верят поэтому, что материальные предметы (иконы, мощи, реликвии) обладают сверхъестественными божественными свойствами. Но, с другой стороны, ислам принял у христианских еретиков-монофелитов идею полного растворения человеческой воли в божественной. «Все вершится по воле Аллаха».

Если так, то как человек может проявить свободу своей воли? Выбрать правильную религию, в частности?

Получается, что специфика христианства (по Соловьеву) в том, что оно — единственная религия, которая утверждает независимость и самостоянье Человека. Здесь человек может не только страдать и надеяться на сверхъестественные силы, но и бороться за собственное счастье. Он много выше по статусу ангелов, которые, в сущности, слуги и могут сделать выбор только «один раз». В отличие от духов Человек делает выбор многократно.

«Достоинство человека измеряется не пассивным страданием, не исканием ударов судьбы, а активной и творческой победой над злом жизни», — вторит Н. Бердяев [5]. В этом, по Бердяеву, соловьевское новаторство на фоне других богословских трудов.

И именно за это — не за что иное — он испытывал неприятие со стороны ортодоксальных православных, которое доходило до того, что даже некоторые его книги (из-за цензурного запрета) выходили за границей.

Отсюда же органически вытекает и соловьевская идея объединения христианских церквей и установление вселенской теократической власти.

Теократия сможет сделать так, чтобы божественная справедливость пришла.

Чтобы пояснить эту мысль, нужны пространные цитаты.

Вл. Соловьев: «...Церковь не есть только богочеловеческая основа для спасения *отдельных* людей, но и богочеловеческое домостроительство для спасения *сего мира*. Мистическое единство человеческих обществ в Христе должно выражаться в их явном братском единении *между собой*. Человечество должно не только *принимать* благодать и истину, данную во Христе, но и осуществлять эту благодать и истину в собственной исторической жизни...» [8: с. 304].

Н. Бердяев: «Совершенствование Церкви или создание христианской культуры в мире требует, кроме руководства вселенской власти (т. е. теократии), также свободного действия личных человеческих сил» [3].

Вл. Соловьев: «Божественное управление должно распространяться на всю человеческую жизнь и не может ограничиваться одной какою-нибудь частною областью этой жизни; поэтому и органы Божественного управления должны находиться не только в собственно религиозной, но также и в политической и в социальной сфере.

Собственно религиозная сфера жизни имеет своим теократическим органом священника (или, скорее, первосвященника, так как священник невозможен без святителя), сфера политическая имеет своим теократическим органом царя как помазанника Божия; наконец, социальная жизнь народа имеет свой теократический орган в лице пророка, т. е. свободного проповедника и учителя... Священник направляет, царь управляет, пророк исправляет» [9].

Необходимо пояснение. При переводе этих общих красивых положений на язык конкретики легко заметить противоречия.

Как «свободное действие человеческих сил» возможно при указанной власти? Где гарантия, что церковная интерпретация христианского учения полностью верна?

Почему философы (если они разрешают свободу — за что спасибо) не рассматривают случай, что кто-то принять библейское учение не захочет? А захочет быть буддистом, атеистом или язычником... Что правящая теократия будет с такими делать?

Как поступить с «мятежниками», которые не захотят государственного законодательства, основанного на Божественном Законе, и потребуют светского государства?

Что же касается пророков... Соловьев ссылается для подтверждения их статуса на библейскую историю, но как раз она предоставляет случаи игнорирования их наставлений. Дает примеры теократического насилия (включая самый знаменитый — распятие Иисуса Христа).

Далее, обосновывая перспективу теократического устройства, философ находит пример его в исламе. Но упускает из вида, что такого рода суровое религиозное законничество (осужденное еще в Новом Завете) с человеческой свободой несовместимо. В государствах с религиозным правлением жизнь строго регламентируется.

Как видим, возвышенный замысел философа легко превращается в социальную антиутопию.

Что это за «царство божье», где люди духовно связаны и подчинены государственному и церковным иерархам? Такое царство самопротиворечиво по определению. Для конца XIX века такой общественный проект выглядит анахронично и реакционно.

Он словно пришел из каких-то других отдаленных веков, и, видимо, поэтому, горячо поддержав его, Н. Бердяев пишет, что он не должен осмысливаться в современных категориях. Он зовет в Новое Средневековье, которое ждет Европу впереди. Интересно, что он (несмотря на то, что объявляет свою философию «персонализмом» — философией свободных личностей) соловьевский проект в измененном виде одобряет.

Если обратиться к вопросу об определении сути его собственного творчества, то я бы охарактеризовал его как развернутый комментарий на предшественника. Большинство соловьевских тем у Бердяева присутствует в развитии, пересказанном, осовремененном виде.

Бердяев даже более «теократичен», чем Соловьев. И стремится к большей тотальности. Соловьевская дистанция по отношению к своим теологическим построениям у Бердяева не ощущается.

Он осуждает прочие тотальные учения за «диктатуру над духом, над совестью, над мыслью» [1: с. 198], но христианскую тотальность радостно принимает, превращая христианство из проповеди в учение о надлежащем мироустройстве.

Бердяев пишет, что верен христианскому духу, но — как я думаю — не достигает его надмирной высоты.

Соловьев же, благодаря важной дистанции по отношению к содержанию своих работ, такой ошибки избегает. Его метафизика не выглядит как «абсолютная истина в последней инстанции». Да и сам русский философ, пожалуй, не согласился бы с абсолютизированием своих положений. От этого они становятся только интересней. В какой-то степени игрой свободного творческого ума. Пусть на религиозную тему.

Когда Бердяев в своем анализе соловьевских тем это упускает, он оказывается в духовном отношении в каком-то смысле позади автора.

Соловьев более творчески свободен, хотя оправдание религиозного творчества — тема не его, а бердяевская.

Занимаясь теологией, он дает пример истинно свободного ума, над которым время не властно. Содержание философских концепций зависит от исторической эпохи. Умственная свобода — нет.

Соловьев настолько свободен, что Бердяеву даже кажется, что его стихи не соответствуют «серьезности заявленной темы», что чувство живого Христа у него «отсутствует» [4: с. 199], что якобы «внутренняя раздвоенность» принуждает Соловьева искать всеединства цельного знания [4: с. 199].

Бердяев пророчесствует: «...духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в Средние века... Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преображению полноты жизни» [2].

Любые демократические «поползновения» должны пресекаться. Власть должна быть сильной и, возможно, «диктаторской». Христианская политика («преображение жизни») почему-то интерпретируется философом как установление жесткой иерархии в организации общества по цеховому принципу с Цезарем во главе.

«Должны быть удовлетворены материальные и духовные запросы масс, а не их стремление к власти... Власть имеет иерархическую природу и иерархическое строение... Сложение общества и государства, образование социального космоса есть всегда процесс возникновения неравенства и иерархии... Народные массы сами могут пожелать монарха, узнают своего вождя и героя» [2].

Идеи научного и социального «прогресса» должны быть отброшены. В Новом Средневековье — полагает Н. Бердяев, — никакого прогресса не будет. «Прогресс прекратится с окончанием новой истории». «Прогресс» связан европейским Разумом, а нужно остановить бег времени. Начать жить суровой, бедной жизнью, приготавливаясь к вечности. Ощутить вкус к оккультным наукам, которые будет исследовать новая духовная элита.

Надо думать, Бердяев мечтал о Средневековой Ночи надолго, поскольку он неожиданно заключает, что сама секулярная демократия есть отпадение от Истины с большой буквы.

Хранитель истины — Церковь и элита. Следит за установлением истины новой Вождь.

В основе же демократии лежит ложное самоутверждение Человека, его претензия на обладание правом на истину... Такой гуманизм ведет к разложению

тотального единства. Порождает множество истин и мировоззрений. Каждый в своей гордыне претендует, что сам знает свой путь. Всеобщность христианского учения — рушится.

Вл. Соловьев с таким выводом вряд ли согласился бы.

Н. Бердяев же, хотя и называет себя «мистическим анархистом», как многие анархисты, подсознательно к тотальности стремится. Получается, прыжок из крайних анархистов в сторонников тотального порядка не так сложен. «Моя жажда беспредельной свободы должна быть понята как моя распря с миром, а не с Богом», писал Бердяев [2].

Вопреки бердяевским представлениям, соловьевский Бог — антитотален.

«Безусловное превосходство Бога должно проявляться не только **против** хаоса, но и **для** него, даруя ему более, чем он заслуживает, делая его участником полноты абсолютного существования...» [11].

Наиболее трагичным Бердяев полагает последний этап жизни философа Соловьева. Мысль мрачнеет. Пронизывается апокалиптической и эсхатологической настроенностью. Соловьев разочаровывается и в своем теократическом проекте и в других идеях. Они более не вдохновляют.

Наиболее мрачная вершина его творчества — «Повесть об Антихристе». Идея Богочеловечества в ней, по сути, перечеркивается.

По Бердяеву, мыслитель разуверился именно в том, что составляло наиболее ценное ядро его философии. Опять обращаясь к шуточной манере, он рисует жуткие картины Страшного Суда, которые — тут можно согласиться с Бердяевым — производят крайне гнетущее впечатление.

Гнетущее впечатление — прежде всего фантазийной несуразностью. Будучи словно скопированными с какого-то мистического голливудского фильма или готического романа.

Уровень философствования невероятно снижается. Силы добра и зла примитивно натурализируются и превращаются в сказочные фигуры. Они фантастически сражаются друг с другом, используя магию, телепатию и гипноз. Сверхъестественное сводится на уровень естественного. Распря между сверхъестественными фигурами напоминает борьбу претендентов на трон. Сатану мучит комплекс неполноценности. Антихриста — тоже.

Антихрист не может понять: «Чем я хуже Христа, что люди поклоняются ему, а не мне? Разве я не могу, так же как он, посвятить жизнь людям? Разве я глупее и менее гуманнее?»

То есть борьба добра и зла выписывается психологическим и политическим конфликтом.

В финале Иисус Христос являет сверхъестественную мощь и приходит на помощь своим приверженцам.

«...Произошло землетрясение небывалой силы — под Мертвым морем, около которого расположились имперские войска, открылся кратер огромного вулкана, и огненные потоки, слившись в одно пламенное озеро, поглотили и самого

императора (Антихриста), и все его бесчисленные полки, и неотлучно сопровождавшего его папу Аполлония, которому не помогла вся его магия» [12].

Соловьев словно пытается опровергнуть пословицу — «Бог не в силе, а в правде». Одна сила просто перебивает другую.

Описание наступившего Божественного Царства, однако, не внушает оптимизма. Изображение его радостных черт опущено. Только: «...Они увидели Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распротертых руках... Они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет» [12].

Бердяев отмечает явный соловьевский просчет. Произведение словно пытается оправдать самые реакционные, обскурантские теории.

Антихристово начало от века понималось как лютая бесчеловечность, презрение человека, его свободы и жизни. У Соловьева же Антихрист — гуманист и филантроп, защитник бедных. Вегетарианец, он запрещает вивисекцию, выступает за права животных.

Всюду в повести скрытая полемика с Л. Толстым. Антихрист — пацифист и сторонник вечного мира.

Читателя одолевает недоумение. Соловьев возвращается к ортодоксальности, но этот возврат имеет карнавальную окраску из-за формы, в которой сделан. Публичное чтение философом своего труда вызвало даже насмешки публики.

Творчество мыслителя описывает мертвую петлю. И в этом можно найти странную параллель с эпохой.

Соловьев начинает как оптимист. Он верит в Богочеловечество, социальный прогресс, гуманизм. Он надеется на торжество в мире христианской истины и любви. Чаёт, что к этому направлена вся мировая история.

От всего этого он отступает. История не имеет будущего. «Все исчерпано», констатирует Н. Бердяев [1: с. 104].

Логично, что в таком душевном состоянии он пророчествует о всеобщем конце. Об апокалипсисе. Теперь он смотрит только в Небо.

Но все-таки нет ли в скрытой иронии, с какой этот апокалипсис изображен, последней улыбки философа?

Литература

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб.: Азбука, 2016. 224 с.
2. Бердяев Н. Новое Средневековье. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn010.htm>
3. Бердяев Н. Основная идея Вл. Соловьева. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/soloviev2.html>
4. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука, 2015. 320 с.
5. Бердяев Н. Философия свободы. URL: http://www.vehi.net/berdyaev/philos_svob/
6. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
7. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. URL: <http://www.rondon.org/mkv/vsjiu.htm>

8. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Византизм и славянство. Великий спор. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 736 с.
9. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/solovevr.html>
10. Соловьев В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999. 912 с.
11. Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. URL: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/11_143.html
12. Соловьев В.С. Три разговора. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1900_tri_razgovora.shtml.

Literatura

1. Berdyaev N. Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. SPb.: Azbuka, 2016. 224 s.
2. Berdyaev N. Novoe Srednevekov'e. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn010.htm>
3. Berdyaev N. Osnovnaya ideya VI. Solov'yova. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/soloviev2.html>
4. Berdyaev N. Russkaya Ideya. SPb.: Azbuka, 2015. 320 s.
5. Berdyaev N. Filosofiya svobody'. URL: http://www.vehi.net/berdyaev/philos_svob/
6. Losskiy N.O. Istoriya Russkoj Filosofii. M.: Sovetskij Pisatel', 1991. 480 s.
7. Mochulskij K.V. Vladimir Solov'yov. Zhizn' i Uchenie. URL: <http://www.rodon.org/mkv/vsjiu.htm>
8. Solov'yov V.S. Velikij spor i xristianskaya politika // Vizantizm i slavyanstvo. Velikij spor. M.: E'ksmo-Press, 2001. 716 s.
9. Solov'yov V.S. Evrejstvo i xristianskij vopros. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/solovevr.html>
10. Solov'yov V.S. Krizis zapadnoj filosofii (protiv pozitivistov) // Filosofskoe nachalo cel'nogo znaniya. Minsk: Xarvest, 1999. 912 s.
11. Solov'yov V.S. Rossiya i Vselenskaya Cerkov'. URL: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/11_143.html
12. Solov'yov V.S. Tri razgovora. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1900_tri_razgovora.shtml.

G.A. Korotky

Roll Call of Vladimir Solovyov's and Nikolai Berdyaev's Ideas about Christianity: a Philosophical Dialogue

In the article the author considers N. Berdyaev's perception of Vladimir Solovyov's religious ideas. He shows how Berdyaev picks up key themes of his predecessor and develops them in his own way.

Keywords: Christianity; Godmanhood; theocracy; eschatology.